

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ MEDICAL PSYCHOLOGY, CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья
УДК 159.9.072
DOI: 10.14529/jpps230203

Возрастные изменения выражения эмоций у детей с ОВЗ в домах ребёнка

А.С. Горн[✉], М.Ю. Солодунова, Ш.В. Бабасадикова, Р.Ж. Мухамедрахимов
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
[✉] anastasiia.gorn@gmail.com

Аннотация

Обоснование: работа посвящена исследованию выражения эмоций у детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), воспитывающихся в условиях институционального окружения. **Целью** являлось изучение взаимосвязи обобщенных показателей эмоций с возрастом у детей с ОВЗ, проживающих в домах ребёнка. **Материалы и методы.** Участниками исследования были 115 детей с ОВЗ, проживающих в двух домах ребёнка Санкт-Петербурга, в среднем возрасте $17,5 \pm 13,1$ (от 8 до 58 месяцев). Для изучения характеристик выражения эмоций и поведения у детей в ситуациях свободной игры и двух последовательных разлучений и воссоединений с близкими взрослыми (групповыми сотрудниками дома ребёнка) использовался метод структурированного видеонаблюдения «Оценка эмоций матери и ребёнка». **Результаты.** Обнаружено значимое повышение с возрастом детей с ОВЗ проявляемых ими значений позитивного эмоционального тона в двух ситуациях разлучения с близким взрослым, снижение негативного тона (в свободной игре, при первом разлучении и втором воссоединении), увеличение деструктивного поведения (в свободной игре и первом воссоединении) и активности (во всех ситуациях взаимодействия). **Заключение.** Результаты исследования свидетельствуют о специфических особенностях возрастных изменений выражения эмоций и поведения у детей с ОВЗ, воспитывающихся в условиях институционализации.

Ключевые слова: выражения эмоций, дети, ОВЗ, дома ребёнка

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00626, <https://rscf.ru/project/22-28-00626>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Возрастные изменения выражения эмоций у детей с ОВЗ в домах ребёнка / А.С. Горн, М.Ю. Солодунова, Ш.В. Бабасадикова, Р.Ж. Мухамедрахимов // Психология. Психофизиология. 2023. Т. 16, № 2. С. 28–36. DOI: 10.14529/jpps230203

Original article
DOI: 10.14529/jpps230203

Age-related changes in emotional expression in institutionalized children with special needs

A.S. Gorn[✉], M.Yr. Solodunova, Sh.F. Babasadikova, R.J. Muhamedrahimov
Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
[✉] anastasiia.gorn@gmail.com

Abstract

Introduction: This research studies emotional expression in young children with special needs (SN) in an institutional environment. **The aim** was to analyze the age-related changes in emotional expression

© Горн А.С., Солодунова М.Ю., Бабасадикова Ш.В., Мухамедрахимов Р.Ж., 2023.

in children with special needs living in institutions. **Materials and methods.** This study involved 115 children with special needs from two St. Petersburg baby homes at an average age of 17.5 ± 13.1 (8 to 58 months). The characteristics of children's expression of emotions and their behavior in situations of free play and two consecutive separations and reunions with primary caregivers (baby home staff) were studied with the Dyadic Affect Manual method. **Results.** The results obtained demonstrated an age-related increase in SN children's expression of positive emotions in two instances of separation with a primary caregiver, a decrease in negative emotions (for free play, for the first separation and the second reunion, respectively) and increased destructive behavior (for free play, for the first reunion) and activity (for all interaction types). The number of emotions expressed by children in the interaction episodes did not change significantly with age. **Conclusion.** The present research demonstrates the peculiarities of age-related changes in the expression of emotions and behavior in SN children brought up in an institutionalized setting.

Keywords: emotional expression, children, special needs, orphanage

Acknowledgments: Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-00626, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00626>

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Gorn A.S., Solodunova M.Yr., Babasadikova Sh.F., Muhamedrahimov R.J. Age-related changes in emotional expression in institutionalized children with special needs. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology.* 2023;16(2):28–36. (in Russ.) DOI: 10.14529/jpps230203

Введение

Выражение эмоций является важнейшей способностью младенцев и детей раннего возраста [1, 2], позволяющая им активно участвовать в процессе взаимодействия с близким взрослым. Работы по изучению эмоциональных выражений в первые годы жизни фокусируются на исследованиях типично развивающихся детей, воспитывающихся как в семьях, так и в домах ребёнка [3]. Показано, для маленьких детей в условиях институционализации характерна эмоциональная уплощённость, задержка появления первых социальных улыбок. В их поведении могут наблюдаться пассивность, низкий уровень проявления эмоций, стереотипные самостимуляции либо расторможенность, неразборчивое дружелюбие, агрессия, направленная на окружающих или предметы [4, 5]. В рамках исследования домов ребёнка Венгрии было показано, что дети, которые находились в учреждении в течение как минимум шести месяцев после рождения, имеют менее развитые способности к регуляции эмоций [6]. Исследования возрастных изменений выражений эмоций и характеристик поведения у детей в домах ребёнка показали увеличение с возрастом интенсивности позитивных и уменьшение интенсивности негативных эмоций. При этом к отражающим состояние ребёнка эмоциональным выражениям авторы отнесли как мимические, так и двигательные проявления в виде крупной и мелкой моторики [3], позволяющие младенцу более эффективно варьиро-

вать свою включённость в эмоциональные ситуации [7]. Было предположено, что в условиях домов ребёнка недостаток внимания со стороны воспитателей и пресечение «плохого» поведения способствуют формированию у детей стратегии, включающей увеличение проявлений ложных позитивных эмоций [3]. Основной детерминантой, обуславливающей специфику эмоционального развития детей, воспитывающихся в учреждениях, считают отсутствие качественного взаимодействия с близким взрослым, нестабильность и нечувствительность первичного социально-эмоционального окружения [4, 8]. Данные литературы свидетельствуют, что среда воспитания, в которой дети испытывают разную степень пренебрежения, существенным образом модифицирует развитие нейронных и физиологических систем, лежащих в основе эмоционального функционирования [9].

Изучение выражения эмоций у детей первых лет жизни с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) показало, что, несмотря на существенные отличия этиологических, патогенетических и фенотипических характеристик детей с разной нозологией, входящих в группу ОВЗ, они часто испытывают схожие трудности в социально-эмоциональной сфере, а также поведенческой регуляции [10]. Так, младенцы и дети раннего возраста с ОВЗ значительно меньше производят голосовых и мимических сигналов, характеризуются сниженными интерактивными навыками и вниманием, демонстрируют поведенческую не-

стабильность [11, 12]. Помимо трудностей установления зрительного контакта у этих детей наблюдаются сложности в выражении улыбок, проявлении адресованных родителям вокализаций. Они реже инициируют взаимодействие, меньше откликаются на попытки родителей привлечь их внимание [13]. Выражения грусти, страха, радости и удивления у младенцев с ОВЗ различаются взрослыми менее точно, чем у типично развивающихся младенцев¹. Близкому взрослому в процессе взаимодействия сложнее интерпретировать эмоциональные выражения ребенка, сложнее подстроить свое поведение, быть эмоционально доступным и проявлять осознанность в процессе взаимодействия [14]. Выделенные результаты исследования, свидетельствующие о специфических особенностях выражения эмоций у детей младенческого и раннего возраста с ОВЗ, получены в работах, направленных на изучение детей, проживающих в семьях биологических родителей. При этом в известной нам научной литературе наблюдается недостаток данных изучения выражения эмоций у маленьких детей с ОВЗ, проживающих в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Отсутствует актуальная научная информация о возрастных изменениях выражения эмоций у детей младенческого и раннего возраста с ОВЗ при проживании в социально-эмоционально депривационных условиях сиротской организации и в процессе взаимодействия с ухаживающими за ними взрослыми.

Прикладная актуальность изучения выражения эмоций у детей младенческого и раннего возраста с ОВЗ связана с наблюдаемым в Российской Федерации уменьшением числа сиротских учреждений, в том числе домов ребенка, и увеличением в них доли детей с ОВЗ, что связано с предпочтительным приемом в замещающие семьи типично развивающихся детей. Данные о возрастных изменениях выражения эмоций у детей раннего возраста, проживающих в учреждении, позволят расширить понимание влияния качества социально-эмоционального окружения на эмоциональное развитие детей с ОВЗ, определить особенности их эмоционального поведения в ситуациях взаимодействия с ухажива-

вающим взрослым. Полученные данные могут быть основанием для разработки научно обоснованной программы профилактической помощи детям раннего возраста с ОВЗ как при проживании в учреждении, так и при возвращении в семью биологических родителей или переводе в замещающую семью.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи показателей выражения эмоций с возрастом у детей с ОВЗ, проживающих в домах ребенка (ДР), в ситуациях взаимодействия с ухаживающим взрослым. Мы предполагаем, что: 1) существуют возрастные изменения показателей выражения эмоций у детей с ОВЗ, 2) взаимосвязь показателей выражения эмоций с возрастом у детей с ОВЗ изменяется в зависимости от ситуации взаимодействия с ухаживающими взрослыми (в свободной игре, при разлучении и при воссоединении).

Материалы и методы

На время обследования дети дома ребенка проживали в группах, состоявших из 10–14 близких по возрасту и развитию сверстников. Групповой персонал состоял из девяти человек и работал посменно. Условия жизни детей характеризовались нестабильностью первичного окружения и низкой чувствительностью, отзывчивостью персонала к сигналам ребенка, что при адекватности медицинского ухода, санитарно-гигиенических условий и питания свидетельствует о социально-эмоциональной депривации детей [4]. Участниками исследования были 115 детей (72 мальчиков и 43 девочек) в среднем возрасте $17,5 \pm 13,1$ (от 8 до 58) месяца и сроком пребывания в учреждении $13,9 \pm 11,8$ (от 7 до 55) месяца, а также ухаживающие за ними групповые сотрудники. Согласно результатам предварительно проведенной оценке детей с использованием скрининговой методики «Индекс функциональных способностей» (Мухамедрахимов, Пальмов, Истомина, 2000), все дети были отнесены к группе детей со сниженным функциональным уровнем со средним по группе значением $2,2 \pm 0,4$ (от 1,4 до 3,7) балла по шкале от 1 (в норме) до 6 (глубокие проблемы). По данным медицинского обследования дети относились к группе с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) (дистрофия – 83 % детей, недостаточность роста – 64 %, энцефалопатия – 58 %, грыжа – 12 %, алкогольная эмбриофетопатия – 7 %, порок сердца – 7 %,

¹ Rawlings-Mercer Kay Alison. Expression of Emotion by infants with and without Disabilities. Doctoral thesis, University of Central Lancashire. 2000. URL: <https://clock.uclan.ac.uk/1882/>

церебральный паралич – 6 %, синдром Дауна – 4 %, гидроцефалия – 3 %). Для изучения выражения эмоций и характеристик поведения детей был использован метод структурированного видеонаблюдения «Оценка эмоций матери и ребёнка»². Данный метод направлен на оценку проявляемых детьми и взрослыми эмоций на лице (4 позитивные: радость, интерес, возбуждение, удивление; 4 негативные: дистресс, печаль, гнев, страх), а также оценку активности (мелкая и крупная моторика) и деструктивного поведения детей (стереотипные действия, агрессия, направленная на объекты или человека) по шкале от нуля (не выражено) до пяти (максимальное проявление). Метод позволяет получить такие обобщенные характеристики эмоционального поведения детей, как: количество проявляемых ребенком эмоций (позитивных и негативных), позитивный эмоциональный тон (сумма интенсивностей всех позитивных эмоций), негативный эмоциональный тон (сумма интенсивностей всех негативных эмоций), деструктивное поведение (сумма интенсивностей проявлений стереотипных действий и агрессии) и активность (сумма интенсивностей проявлений мелкой и крупной моторики).

Процедура структурированного видеонаблюдения включала в себя видеозапись, состоящую из проведенных в игровой комнате дома ребенка пяти последовательных трехминутных эпизодов взаимодействия ребёнка и близкого взрослого: свободная игра (первый эпизод взаимодействия), выход взрослого из комнаты (второй эпизод, первое разлучение ребенка и взрослого), возвращение взрослого (третий эпизод, первое воссоединение ребенка и взрослого), выход взрослого из комнаты (четвертый эпизод, второе разлучение), возвращение взрослого (пятый эпизод, второе воссоединение). Во время процедуры ребенка сопровождала одна из сотрудниц, постоянно ухаживающих за детьми в группе. Согласно инструкции, взрослому было предложено поиграть с ребенком в свободной форме, так, «как это происходит обычно».

Метод структурированного видеонаблюдения «Оценка эмоций матери и ребёнка» показал свою валидность и надежность в круп-

ных исследовательских проектах исследования детей в домах ребенка как типично развивающихся, так и с ОВЗ [3, 4]. Для описания групп были посчитаны первичные статистики (средние, стандартное отклонение, минимум-максимум). Изменение значений оцениваемых субшкал в связи с возрастом детей определялось с использованием метода корреляционного анализа (по Пирсону). Решения о статистической достоверности принимались на 5%-ном уровне значимости. При расчетах использовали программный комплекс SPSS Inc.

Результаты

Результаты исследования представлены по показателям (количество проявляемых на лице эмоций, позитивный эмоциональный тон, негативный эмоциональный тон, активность, деструктивное поведение) в различных эпизодах взаимодействия ребенка и взрослого.

Количество эмоций. В результате исследования обнаружено, что количество проявляемых на лице эмоций с возрастом исследуемой группы детей во всех исследуемых эпизодах значимо не изменялось (в эпизоде 1 для свободной игры $r = -0,32$, $p = 0,731$, в эпизоде 2 для первого разлучения $r = 0,114$, $p = 0,230$; в эпизоде 3 для первого воссоединения $r = -0,060$, $p = 0,523$, в эпизоде 4 для второго разлучения $r = 0,31$, $p = 0,743$, в эпизоде 5 для второго воссоединения $r = -0,118$, $p = 0,209$).

Позитивный эмоциональный тон. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии значимых изменений позитивного тона с возрастом детей в эпизоде свободной игры ($r = 0,133$, $p = 0,155$), об увеличении позитивного тона с возрастом детей при разлучении (для эпизода 2 первого разлучения $r = 0,431$, $p < 0,001$; для эпизода 4 второго разлучения $r = 0,355$, $p < 0,001$) и отсутствии значимых изменений в эпизодах воссоединения (в эпизоде 3 для первого воссоединения $r = -0,011$, $p = 0,907$; в эпизоде 5 второго воссоединения $r = 0,070$, $p = 0,459$).

Негативный эмоциональный тон. Установлено снижение значения проявляемого негативного тона с возрастом исследуемой группы детей в эпизодах свободной игры ($r = -0,191$, $p < 0,05$), первого разлучения (в эпизоде 2 $r = -0,202$, $p < 0,05$) и второго воссоединения (в эпизоде 5 $r = -0,202$, $p < 0,05$), и отсутствие значимых изменений в эпизодах первого воссоединения и второго разлучения ребенка со взрослым (в эпизоде 3

² Osofsky J.D., Culp A.M., Hann D.M., Carter S.L. Infant affect manual. Louisiana State University Medical School; New Orleans: 1988. Unpublished manuscript.

$r = -0,091$, $p = 0,333$; в эпизоде 4 $r = -0,175$, $p = 0,064$).

Деструктивное поведение. В результате исследования обнаружено увеличение значения проявляемого деструктивного поведения с возрастом исследуемой группы детей в эпизодах свободной игры ($r = 0,342$, $p < 0,001$) и первого воссоединения со взрослым (в эпизоде 3 $r = 0,317$, $p < 0,001$), и отсутствие значимых изменений показателей деструктивного поведения с возрастом детей в эпизоде первого ($r = -0,133$, $p = 0,159$) и второго ($r = -0,21$, $p = 0,825$) разлучения, а также второго воссоединения с взрослым ($r = -0,177$, $p = 0,059$).

Активность. Значение показателей активности увеличивается с возрастом исследуемой группы детей во всех исследуемых эпизодах (в эпизоде 1 для свободной игры $r = 0,342$, в эпизоде 2 для первого разлучения $r = 0,331$; в эпизоде 3 для первого воссоединения $r = 0,306$, в эпизоде 4 для второго разлучения $r = 0,350$, в эпизоде 5 для второго воссоединения $r = 0,440$; для всех случаев $p < 0,001$).

Обсуждение

Исследование детей с ОВЗ в домах ребёнка показало, что наблюдаются возрастные изменения эмоциональных проявлений, которые по-разному проявляются в разных эпизодах взаимодействия с ухаживающим взрослым. Было обнаружено, что с увеличением возраста дети демонстрируют рост проявлений позитивного тона в ситуациях разлучения (2-й и 4-й эпизоды), снижение значений негативного эмоционального тона (1, 2, 5-й эпизоды), увеличение деструктивного поведения (1-й, 3-й эпизоды), а также рост показателей активности во всех исследуемых эпизодах взаимодействия. Несмотря на данные о снижении интерактивных проявлений эмоциональных выражений [11, 13], показатель количества выраженных эмоций у детей с ОВЗ в разных эпизодах взаимодействия с близким взрослым как на ранних этапах развития, так и с увеличением возраста не изменялся. Стабильность показателя количества эмоций может свидетельствовать о том, что характер эмоционального ответа ребёнка изменяется качественно, а не уплощается.

Работы, посвященные изучению эмоций на лицах детей в условиях детских сиротских учреждений, показывают возрастные изменения характеристик эмоций, в частности снижение уровня проявления положительных

эмоций у детей [5]. В отличие от этих данных, результаты настоящего исследования значимых возрастных изменений положительных эмоций в ситуациях взаимодействия детей с ОВЗ с ухаживающим взрослым (свободная игра и эпизоды воссоединения) не показывают. Более того, они свидетельствуют об увеличении позитивного тона в эпизодах разлучения с взрослым. При этом в схожем по дизайну исследовании типично развивающихся детей, воспитывавшихся в доме ребенка, показано увеличение интенсивности позитивного эмоционального тона с возрастом детей в ситуациях не только разлучения, но и свободной игры и воссоединения с ухаживающим взрослым [3]. Иными словами, полученные нами данные свидетельствуют о специфике возрастных изменений проявления положительных эмоций на лицах детей с ОВЗ, в отличие от типично развивающихся сверстников в условиях дома ребенка. У детей с ОВЗ интенсивность проявления положительных эмоций с возрастом не меняется в ситуациях присутствия ухаживающего взрослого (свободной игры, воссоединения), однако увеличивается при разлучении с ним.

Установлено снижение негативного эмоционального тона в разных эпизодах: как свободной игры и воссоединения (1-й и 5-й эпизоды), так и разлучения (2-й эпизод). Изучение негативного эмоционального тона у воспитывавшихся в домах ребенка типично развивающихся детей показало его уменьшение с увеличением возраста детей, однако значимо лишь для ситуации разлучения [3]. Специфика возрастных изменений эмоционального реагирования у детей с ОВЗ заключается в сдерживании проявления негативных эмоций и снижении негативного тона с увеличением возраста детей не только при разлучении с ухаживающим взрослым, но и в эпизодах взаимодействия с ним.

Рост проявлений деструктивного поведения с возрастом в группе детей с ОВЗ отмечается в свободной игре и первом воссоединении (1-й и 3-й эпизод). В исследовании дифференциальных показателей деструктивного поведения у типично развивающихся детей в учреждениях единой картины возрастных изменений дезадаптивного поведения выявлено не было. Показатели двигательной активности у детей с ОВЗ, включающие мелкую и крупную моторику, увеличиваются с возрастом во всех исследуемых эпизодах взаимодействия

аналогично выборке детей без нарушений [3]. Мы предполагаем, что рост проявлений деструктивного поведения и двигательной активности может быть связан с особой стратегией регулирования эмоциональных состояний детей в домах ребёнка. Наблюдаемое у них снижение с возрастом интенсивности негативного эмоционального тона может свидетельствовать о подавлении проявления негативных эмоций во время взаимодействия с взрослым и развитии неочевидных, скрытых форм выражения и регуляции своего состояния: стереотипии, расторможенные движения, хаотичное перебирание предметов, ощупывание тела, агрессия, направленная на себя, других людей или предметы. Рост манипулятивной двигательной активности с возрастом не зависит от присутствия близкого взрослого и разлуки с ним. Дети сдерживают проявления негативных эмоций на лице (в эпизодах как вместе с ухаживающим взрослым, так и при разлучении), но их напряжение проявляется в виде деструктивного поведения и двигательной активности (в ситуациях нахождения взрослого в комнате). С другой стороны, наблюдаем повышение позитивного тона с возрастом в ситуациях разлучения с близким взрослым. Разлука с близким взрослым, обрыв коммуникации и эмоционального контакта является сильным фрустрирующим фактором для ребёнка младенческого и раннего возраста. В ситуации стресса, при выходе близкого взрослого из игровой комнаты, когда ребенок остается в незнакомом пространстве, мы ожидаем снижение позитивного тона и увеличение негативного тона, однако наблюдаем обратную реакцию (увеличение позитивного и снижение негативного тона). Интенсивность обобщённых показателей двигательной активности возрастает с возрастом во всех ситуациях взаимодействия и является единственным доступным для детей способом совладания с эмоциональным напряжением. Способность к фальсификации позитивного аффекта для подавления негативных переживаний, может свидетельствовать о значительных нарушениях процесса взаимодействия с взрослым и формировании привязанности у ребенка [15]. Воссоединение с близким взрослым не даёт ребёнку безопасного пространства для проживания негативных эмоций от разлуки и не гарантирует адекватную помощь в регуляции эмоционального состояния. Связь большинства исследуемых показателей эмоций и поведения с возрастом

позволяет предполагать, что эта динамика может отражать, изменения, связанные с принятием социальных норм и правил взаимодействия сотрудников и детей, с определенной культурой организации ухода за детьми и спецификой отношения к их сигналам и потребностям.

Дети с ОВЗ в учреждении зачастую получают меньше социального участия со стороны взрослых. Дети чаще остаются без внимания в кроватках, на полу, детских креслах, без доступных для самостоятельного исследования игр и адаптивного позиционирования [16]. При улучшении качества социально-эмоционального окружения, связанного с реализацией в доме ребенка программы повышения чувствительности и стабильности группового персонала, группа детей с особыми потребностями демонстрировала динамику во всех областях развития [4]. Дети с ОВЗ показали увеличение способности к общению, у них наблюдалось повышение позитивного социального взаимодействия с воспитателями. Ввиду небольшого объема выборки детей с ОВЗ результаты реже являлись статистически значимыми, но размер эффекта часто был больше, чем для группы типично развивающихся детей.

Заключение

Обобщенные показатели эмоций и поведения детей с ОВЗ, проживающих в домах ребёнка, в ситуациях взаимодействия с близким взрослым изменяются с возрастом детей и по-разному проявляются в процессе свободной игры, разлучения и воссоединения. В условиях институционализации в поведении детей с ОВЗ по мере взросления формируются стратегии, сочетающие в себе увеличение интенсивности позитивных эмоций, показателей деструктивной и двигательной активности и уменьшение интенсивности негативных эмоций. При этом суммарный показатель количества проявляемых детьми эмоций в различных эпизодах взаимодействия с близким взрослым с возрастом не изменяется. Основным ограничением исследования является разнородность по медицинским диагнозам группы детей с ОВЗ, однако проведенное в работе их объединение по уровню функциональных возможностей видится важной попыткой отхода от медицинской парадигмы в пользу оценки уровня функционирования детей с нарушениями разного генеза. Полученные ре-

зультаты будут способствовать дальнейшему развитию программ ранней помощи детям с ОВЗ в Российской Федерации, направленных на поддержку детско-родительских отношений как базиса дальнейшего успешного социально-психологического развития ребенка

с ОВЗ. Вслед за исследованиями, посвящёнными типично развивающимся детям, представляется важным в будущем уделить внимание сравнению способов выражения эмоций на лицах детей с ОВЗ в семьях и домах ребёнка.

Список источников

1. Emotional expressions reconsidered: Challenges to inferring emotion from human facial movements / L.F. Barrett, R. Adolphs, S. Marsella et al. // *Psychological science in the public interest*. 2019. Vol. 20 (1). P. 1–68. DOI: <https://doi.org/10.1177/1529100619832930>
2. Culture-specific development of early mother–infant emotional co-regulation: Italian, Cameroonian, and West African immigrant dyads / M. Lavelli, C. Carra, G. Rossi, H. Keller // *Developmental Psychology*. 2019. Vol. 55 (9). P. 1850–1867. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000696>
3. Солодунова М.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж. Развитие эмоций у детей раннего возраста в условиях депривации // *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект* / под ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 63–82.
4. St. Petersburg-USA Orphanage Research Team. The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children. The St. Petersburg-USA Orphanage Research Team // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2008. Vol. 73 (3):VII-VIII. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>
5. Alternatives for abandoned children: insights from the Bucharest Early Intervention Project / C.H. Zeanah, K.L. Humphreys, N.A. Fox, C.A. Nelson // *Current opinion in psychology*. 2017. Vol. 15. P. 182–188. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.02.024>
6. Batki A. The impact of early institutional care on emotion regulation: studying the play narratives of post-institutionalized and early adopted children // *Early Child Development and Care*. 2018. Vol. 188 (12). P. 1801–1815. DOI: <https://doi.org/10.1080/03004430.2017.1289190>
7. Виленская Г.А. Эмоциональная регуляция: факторы ее развития и связанные с ней виды поведения // *Психологический журнал*. 2020. № 41 (5). С. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920011083-7>
8. Привязанность у детей с опытом институционализации. Часть II. Особенности привязанности у детей, проживающих в замещающих семьях / Р.Ж. Мухамедрахимов, К.Г. Туманьян, Д.И. Черного, Л.А. Асламазова // *Психологический журнал*. 2020. № 41 (6). С. 60–68.
9. Teicher M.H., Samson J.A. Annual research review: enduring neurobiological effects of childhood abuse and neglect // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2016. Vol. 57 (3). P. 241–266. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.12507>
10. Hauser-Cram P., Woodman A.C. Trajectories of internalizing and externalizing behavior problems in children with developmental disabilities // *Journal of abnormal child psychology*. 2016. Vol. 44 (4). P. 811–821. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-015-0055-2>
11. Innocenti M.S., Roggman L.A., Cook G.A. Using the PICCOLO with parents of children with a disability // *Infant Mental Health Journal*. 2013. Vol. 34 (4). P. 307–318. DOI: <https://doi.org/10.1002/imhj.21394>
12. Сорокина В.А., Болдинова О.Г. Особенности развития детей раннего возраста с ОВЗ // *Вопросы педагогики*. 2021. № 6 (2). С. 177–182.
13. Kelly J.F., Barnard K.E. Assessment of parent–child interaction: Implications for early intervention. Cambridge. In J.P. Shonkoff and S.J. Meisels (Eds.). *Handbook of early childhood intervention*. Cambridge University Press. 2000. P. 258–289. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511529320.014>
14. The relationship between social affect and restricted and repetitive behaviors measured on the ADOS-2 and maternal stress / C. Schutte, W. Richardson, M. Devlin et al. // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2018. Vol. 48 (3). P. 751–758. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10803-017-3453-1>
15. Плешкова Н.Л., Мухамедрахимов Р.Ж. Отношения привязанности у детей в семьях и домах ребенка // *Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития* / под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2008. С. 220–239.

16. Improvements in early care in Russian orphanages and their relationship to observed behaviors / C.J. Groark, R.J. Muhamedrahimov, O.I. Palmov et al. // *Infant Mental Health Journal*. 2005. Vol. 26 (2). P. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.1002/imhj.20041>

Поступила 09.01.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 04.04.2023.

Информация об авторах

Горн Анастасия Сергеевна, аспирант, кафедра психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9), e-mail: anastasiia.gorn@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9813-0860>

Солодунова Мария Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9), e-mail: m.solodunova@spbu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1519-9847>

Бабасадикова Шахноза Файзуллаевна, аспирант, кафедра психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9), e-mail: noza.babasadikova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7014-0357>

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9), e-mail: rjm@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>

Заявленный вклад авторов:

Горн А.С. – анализ литературы, сбор статистических данных, представление и описание результатов, формулирование выводов исследования.

Солодунова М.Ю., Бабасадикова Ш.Ф. – кодирование исследовательских данных.

Мухамедрахимов Р.Ж. – постановка проблемы, разработка концепции статьи, редакторские правки.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Barrett L.F., Adolphs R., Marsella S. et al. Emotional expressions reconsidered: Challenges to inferring emotion from human facial movements. *Psychological science in the public interest*. 2019;20(1):1–68. DOI: <https://doi.org/10.1177/1529100619832930>

2. Lavelli M., Carra C., Rossi G., Keller H. Culture-specific development of early mother–infant emotional co-regulation: Italian, Cameroonian, and West African immigrant dyads. *Developmental Psychology*. 2019;55(9):1850–1867. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000696>

3. Solodunova M.Yr., Muhamedrahimov R.J. *Razvitie emotsii u detei rannego vozrasta v usloviyakh deprivatsii* [The development of emotions in young children in conditions of deprivation]. *Problema sirotstva v sovremennoi Rossii: Psikhologicheskii aspekt* [The problem of orphanhood in modern Russia: Psychological aspect]. Eds. A.V. Makhnach, A.M. Prikhozhan, N.N. Tolstykh. Moscow “Institut psikhologii RAN” Publ. 2015:63–82. (in Russ.).

4. St. Petersburg-USA Orphanage Research Team. The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children. The St. Petersburg-USA Orphanage Research Team. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2008;73(3):VII–VIII. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>

5. Zeanah C.H., Humphreys K.L., Fox N.A., Nelson C.A. Alternatives for abandoned children: insights from the Bucharest Early Intervention Project. *Current opinion in psychology*. 2017;15:182–188. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2017.02.024>

6. Batki A. The impact of early institutional care on emotion regulation: studying the play narratives of post-institutionalized and early-adopted children. *Early Child Development and Care*. 2018;188(12):1801–1815. DOI: <https://doi.org/10.1080/03004430.2017.1289190>

7. Vilenskaya G.A. Emotional regulation: factors of development and forms of manifestation in behavior. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2020;41(5):63–76. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920011083-7>

8. Muhamedrahimov R.J., Tuman'yan K.G., Chernego D.I., Aslamazova L.A. Attachment in children with experience of institutionalization. Part II. Living in substitute families. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2020;41(6):60–68. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920012586-0>

9. Teicher M.H., Samson J.A. Annual research review: enduring neurobiological effects of childhood abuse and neglect. *Journal of child psychology and psychiatry*. 2016;57(3):241–266. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.12507>

10. Hauser-Cram P., Woodman A.C. Trajectories of internalizing and externalizing behavior problems in children with developmental disabilities. *Journal of abnormal child psychology*. 2016;44(4):811–821. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-015-0055-2>

11. Innocenti M.S., Roggman L.A., Cook G.A. Using the PICCOLO with parents of children with a disability. *Infant Mental Health Journal*. 2013;34(4):307–318. DOI: <https://doi.org/10.1002/imhj.21394>

12. Sorokina V.A., Boldinova O.G. Features of the development of young children with disabilities. *Voprosy pedagogiki = Questions of pedagogy*. 2021;6(2):177–182. (in Russ.).

13. Kelly J.F., Barnard K.E. Assessment of parent–child interaction: Implications for early intervention. Cambridge. In J.P. Shonkoff and S.J. Meisels (Eds.). *Handbook of early childhood intervention*. Cambridge University Press. 2000:258–289. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511529320.014>

14. Schutte C., Richardson, W., Devlin M. et al. The relationship between social affect and restricted and repetitive behaviors measured on the ADOS-2 and maternal stress. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2018;48(3):751–758. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10803-017-3453-1>

15. Pleshkova N.L., Muhamedrahimov R.J. Otnosheniya privyazannosti u detei v sem'yakh i domakh rebenka [Attachment relationships in children in families and institutions]. *Emotsii i otnosheniya cheloveka na rannikh etapakh razvitiya* [Emotions and attitudes of a person in the early stages of development]. Ed. R.J. Mukhamedrahimov. St. Petersburg: Publ. House of St. Petersburg State University. 2008:220–239. (in Russ.).

16. Groark C.J., Muhamedrahimov R.J., Palmov O.I. et al. Improvements in early care in Russian orphanages and their relationship to observed behaviors. *Infant Mental Health Journal*. 2005;26(2):96–109. DOI: <https://doi.org/10.1002/imhj.20041>

Submitted 09.01.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 04.04.2023.

About the authors:

Anastasia S. Gorn, Postgraduate student, Department of Mental Health and Early Intervention for children and parents, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia); e-mail: anastasiia.gorn@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9813-0860>

Maria Yr. Solodunova, candidate of Psychological Sciences, assistant professor, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia); e-mail: m.solodunova@spbu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1519-9847>

Shakhnoza F. Babasadikova, Postgraduate student, Department of Mental Health and Early Intervention for children and parents, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia); e-mail: noza.babasadikova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7014-0357>

Rifkat J. Muhamedrahimov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia); e-mail: rjm@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>

Contribution of the authors:

A.S. Gorn – analysis of literature, collection of statistical data, presentation and description of results, formulation of research conclusions.

M.Yu. Solodunova, Sh.F. Babasadikova – research data coding.

R.Zh. Mukhamedrahimov – statement of the problem, development of the concept of the article, editorial changes.

All authors have read and approved the final manuscript.